УДК 130.2+821.163.41
Науч. спец. 5.7.8
DOI: 10.36809/2309-9380-2026-52-44-47

Нина Сергеевна Ищенко
Луганский государственный аграрный университет им. К. Е. Ворошилова, кандидат философских наук,
доцент кафедры философии, истории и педагогики, Луганск, Россия
e-mail: ninaofter@yandex.ru

Пушкин как автор, читатель и персонаж в романе Павича «Пейзаж, нарисованный чаем»

Аннотация. В статье с использованием герменевтической и культурологической методологии анализируется роль Александра Пушкина и пушкинского мифа в романе Милорада Павича «Пейзаж, нарисованный чаем». Показано, как отличие пушкинского мифа в русской и в сербской литературе влияет на сюжет романа. В русской литературе Пушкин находится в центре литературного мифа, в сербской литературе — одновременно и в центре, и за границами культуры. Его роман «Евгений Онегин» дает архетипы происходящих событий европейской истории, но в то же время остается на периферии европейской культуры. Такое двойственное положение Пушкина реализовано в романе Павича, где Александр Пушкин выступает как автор описания главной героини Витачи Милут, персонаж истории — любовник Витачи — и читатель книги «Пейзаж, нарисованный чаем», в которого влюбляется Витача. Теоретические взгляды Павича на методы чтения в культуре постмодерна отражены в этой ситуации, когда один человек занимает все три вершины герменевтического треугольника, вовлекая читателя в текст и давая читателю модели взаимодействия с романом.

Ключевые слова: Милорад Павич, Александр Пушкин, герменевтический треугольник, смерть автора, пушкинский миф.

Nina S. Ishchenko
Lugansk State Agrarian University named after K. E. Voroshilov, Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Pedagogy, Lugansk, Russia
e-mail: ninaofter@yandex.ru

Pushkin as Author, Reader, and Character in Pavić's Novel "Landscape Painted with Tea"

Abstract. The article uses hermeneutical and cultural studies methodology to analyse the role of Alexander Pushkin and the Pushkin myth in Milorad Pavić's novel "A Landscape Painted with Tea." It shows how the differences in the Pushkin myth in Russian and Serbian literature influence the plot of the novel. In Russian literature, Pushkin is at the center of the literary myth, while in Serbian literature, Pushkin is both at the center and beyond the boundaries of culture. His novel "Eugene Onegin" provides archetypes of the events in European history, but at the same time, it remains on the periphery of European culture. This dual position of Pushkin is realised in Pavic's novel, where Alexander Pushkin acts as the author of the description of the main character Vitača Milut, the character of the story is Vitača's lover, and the reader of the book "Landscape Painted with Tea," whom Vitača falls in love with. Pavic's theoretical views on reading methods in postmodern culture are expressed in this situation, where one person occupies all three vertices of the hermeneutical triangle.

Keywords: Milorad Pavić, Alexander Pushkin, hermeneutical triangle, author's death, Pushkin myth.

Введение (Introduction)

В эстетике культуры постмодерна, соответствующей самосознанию современных обществ, одной из центральных концепций является смерть автора. Исчезновение авторского голоса в произведении ставит проблему взаимоотношений читателя и автора посредством текста. В этом аспекте актуальным является творчество Милорада Павича, который в своих художественных произведениях ставил эту проблему явно и включал ее в сюжет. Одним из произведений, где проблема коммуникации автора и читателя стоит в центре действия и выступает сюжетообразующим элементом, является роман «Пейзаж, нарисованный чаем», где эта проблема

© Ищенко Н. С., 2026

Для цитирования: Ищенко Н. С. Пушкин как автор, читатель и персонаж в романе Павича «Пейзаж, нарисованный чаем» // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2026. № 3 (52). С. 44–47. DOI: 10.36809/2309-9380-2026-52-44-47

Статья доступна на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

ставится и решается с помощью образа Пушкина. Рассмотрим, как это происходит, с помощью герменевтического метода.

Методы (Methods)

Концепция смерти автора строится на том, что текст представляет собой не линейную цепочку реально свершившихся событий, которые автор озвучивает с позиций Бога, а многомерное пространство, где спорят разные версии событий. Теперь авторская интерпретация событий истории не более авторитетна, чем любая другая, созданный текст живет своей жизнью и существует в интертекстуальном пространстве с помощью цитат и аллюзий, которые могут сказать больше, чем сама последовательность событий в истории. Для понимания текста нужно анализировать все отсылки и конструировать новый текст при прочтении [1, с. 389–390]. Таким образом интертекстуальность становится диалогическим способом функционирования текста в текстовом пространстве [2, с. 8]. Тексты, интерпретируемые в этой парадигме, отличаются «отсутствием каких-либо ориентиров или указателей на результативность или правомерность той или иной интерпретации текста» (при построении интерпретации не учитывается ни автор текста, ни сам текст) [3, с. 144]. Для понимания текстов после смерти автора используются герменевтические методы.

К структурным методам герменевтики относится анализ отношений в системе «автор — текст — читатель», называемой герменевтическим треугольником [4, с. 61]. Раскрытие смысла текста происходит в ходе эстетической коммуникации интерпретатора, т. е. читателя, с автором. Философ Х.-Г. Гадамер подчеркивает, что создатель образа не является высшим авторитетом в его интерпретации. В качестве интерпретатора он не имеет никакого принципиального преимущества перед любым другим реципиентом образа: «поскольку он сам себя осмысливает, он выступает как собственный читатель» [5, с. 241]. В литературном художественном тексте предполагается наличие сюжета и персонажей, а главный герой символически представляет всю книгу. В результате триада «автор — текст — читатель» может рассматриваться как система «автор — персонаж — читатель».

Хотя логически причиной текста является автор, читатель всегда начинает знакомство с текстом с себя, с собственных впечатлений. Увлечение художественным произведением на определенном этапе вызывает чувство самоотождествления с героем. В этот момент читатель входит в текст, в результате два элемента герменевтического треугольника — читатель и персонаж — совпадают, и происходит общение читателя напрямую с автором посредством текста. Читатель наполняет текст своим личным опытом, персонажи и место действия берутся читателем столько же из текста, сколько и из собственной памяти, героям истории читатель дает черты собственной личности. Всё происходящее, хоть и придумано автором, происходит с читателем и переживается читателем как собственный личный сокровенный опыт. В этом взаимообогащении заключается суть эстетической коммуникации и ее философско-антропологический смысл. Эстетическая коммуникация позволяет реализовать творческое начало посредством вхождения в текст и участия во взаимоотношениях в герменевтическом треугольнике. Посмотрим, как эти процессы изображает Павич, используя образ Пушкина.

Литературный обзор (Literature Review)

Герменевтическую методологию для анализа литературы постмодерна на основе идей Р. Барта разработал Г.-Х. Гадамер и работающие в этой парадигме А. Р. Усманова, В. В. Феррони. Интертекстуальность в культуре постмодерна изучает О. К. Кулакова. Пушкинский миф в русской литературе исследовала Е. Н. Вагнер. Пушкинский миф в творчестве Павича изучала Т. А. Попович. Поэтику Павича исследовали такие ученые, как О. В. Гладкова, А. С. Зоткина, Ж. Калавски, А. Ю. Маслова, А. П. Уракова.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

В русской постмодернистской литературе Александр Пушкин является главным героем литературного мифа [6, с. 6]. Елена Вагнер в своей диссертации исследовала структурные элементы этого мифа и нашла, что в литературоцентричной русской культуре постмодерна Пушкин занимает место идеала и духовного абсолюта [6, с. 7]. Она находит христианскую троичность в образе Пушкина: как Отец, он порождает русскую литературу, как Сын — гибнет молодым в 37 лет, как Дух — одушевляет русскую культуру вплоть до наших дней и в будущем [6, с. 16–17]. Наряду с христианскими существуют и мифологические коннотации — Пушкин выступает как новый Орфей, преодолевающий поэзией смерть, и новый Прометей, создающий человека русской культуры из предшествующего хаоса [6, с. 17–18]. Такое место Пушкина в русской культуре неудивительно, но как элемент литературного мифа Пушкин существует и в сербской литературе, занимая особое место в творчестве Павича.

Милорад Павич начал свой путь в литературу с переводов Пушкина и занимался творчеством Пушкина всю свою жизнь. В 20 лет, в 1949 г., он перевел на сербский «Полтаву», в 1957 г. перевел «Евгения Онегина». Также именно Павич стал редактором первого собрания сочинений Пушкина на сербском языке, переводил другие его стихи и поэмы и написал биографию поэта [7, с. 62–63].

Место Пушкина в сербской культуре Павич изобразил в рассказе «Принц Фердинанд читает Пушкина» (1982). Рассказ состоит из трех частей. В 1-й из них рассказчик — это Ленский из «Евгения Онегина»; во 2-й — рыбак, поймавший золотую рыбку; в 3-й — принц Фердинанд, которого убил Гаврило Принцип, положив начало Первой мировой войне. Первая часть, произведение Пушкина, через 2-ю часть, сказку Пушкина, связывается с реальным событием европейской истории. В 1-й и 3-й части рассказа главного героя расстреливают, т. е. литературный архетип пушкинского творчества воплощается в реальности [7, с. 67]. Жофия Калавски и Александра Уракова в своем исследовании показывают, что таким образом пушкинский миф вносится в центр мировой истории, но в инвертированном виде. Главный герой рассказа в то же время выталкивается из пушкинского сюжета. Гибель от пули, стоящая в центре

литературного мифа о Пушкине, направляет историю Европы, но смотрится здесь случайно и чужеродно. Пушкин оказывается одновременно и внутри, и снаружи как пушкинского мифа, так и европейской истории [8, с. 193–194].

Творческий потенциал уникального положения Пушкина и в центре, и за пределами истории в полной мере раскрыт в романе «Пейзаж, нарисованный чаем» (1988). В романе очень много интертекстуальных и гипертекстуальных отсылок, словесных и сюжетных цитат, а также сюжетных линий. Мы сосредоточимся только на одной из них — как Пушкин включен в герменевтический треугольник «автор — персонаж — читатель».

Одна из героинь романа — Витача Милут, 2-я жена архитектора Разина-Свилара. В число предков главной героини Витачи Милут входит Амалия Ризнич, жена негоцианта Ризнича, возлюбленная Пушкина. Портрет Амалии Ризнич нарисован Пушкиным на полях Евгения Онегина, и Павич прямо отсылает к этому рисунку, когда описывает Амалию. Он также упоминает о стихах Пушкина, посвященных Амалии, и подчеркивает, что красоту своей прапрабабки в полной мере унаследовала Витача Милут. Кроме того, еще одна Амалия Ризнич из семьи Ризничей действует в романе в сюжете «Грязи». Она выходит замуж за инженера Циппелина, обожает кулинарию и славится наследственной красотой. Таким образом, Пушкин выступает как человек, описавший главную героиню Витачу и еще одну героиню, Амалию Ризнич. Благодаря Пушкину их красота осталась в литературе и попала в роман Павича. Александр Пушкин в этой ипостаси — один из авторов романа «Пейзаж, нарисованный чаем» и создатель главной героини Витачи.

Далее, Александр Пушкин участвует в сюжете и как персонаж. Наблюдатель, информирующий Дона Донино Азередо (дьявола) о жизни Разина и его жены Витачи, пишет в одном из писем:

«История завершается где-то в Тоскане, возле колодца в саду. Осенью. После того вечера, когда она сорвала спектакль в “Ла Скала”, Витача перестала выступать. Мы, согласно Вашим указаниям, дон Азередо, постарались, чтобы ее контракты с оперными театрами были расторгнуты, и сеньора Витача покатилась в пропасть. Таким образом, она завершила свой путь, подобно Амалии Ризнич, урожденной Нако, которая подавала голос из овальных часиков госпожи Иоланты. Богатый муж бросил ее на произвол судьбы, предоставив ей умирать в нищете на улицах Триеста. И всё из-за того, что застал ее с кудрявым молодым человеком, носившим перстень на большом пальце и по имени Александр Пушкин.

Кудрявый любовник госпожи Разин сделал свое дело с точностью хорошо заведенного часового механизма. Он сам описывает дальнейшие события в магнитофонной записи, сделанной нами до прихода полиции. Посылаем Вам кассету и записанное на ней заявление как в оригинале, так и в переводе на итальянский» [9, с. 242–243].

То, что Пушкин описывается в письме, которое приводится в романе, еще раз подчеркивает, что это персонаж. В то же время он сам записал кассету, где описываются события, т. е. он одновременно и автор. Двойственное положение его в центре текста — как персонажа — и вне текста — как автора — показано с помощью постмодернистской эстетики в романе Павича.

Как персонаж, Пушкин не просто любовник Витачи. Он оказывается в центре сюжета, прямо связанного с отношениями читателя и персонажа любой книги.

Сам роман «Пейзаж, нарисованный чаем» Павич выстраивает двумя способами. Это роман-кроссворд, и его можно читать по вертикали и по горизонтали. В зависимости от этого получаются несколько разные истории. Эти две истории Павич приготовил для двух типов читателей: одни любят методично идти по порядку, другие — заглядывать в конец и решать всё с наскока. Павич делает это, как он сам поясняет, «…затем, что любой новый способ чтения книги, идущий наперекор течению времени, которое влечет нас к смерти, есть бесплодная, но достойная попытка человека воспротивиться своей неумолимой судьбе если не в реальности, то хотя бы в литературе» [9, с. 124]. Также Павич добавляет: «К чему тогда читателю становиться чем-то вроде полицейского инспектора, зачем ему всё время идти точно по следу своего предшественника? Почему ему не позволить себе время от времени вильнуть в сторону? Не говоря уже о героях и героинях этой книги! Возможно, им тоже иногда хочется показаться не анфас, а в профиль, с другой стороны, потянуться рукой в сторону. Уж конечно, им надоело разглядывать читателей подряд, подобно гусиной стае, тянущейся на юг, или ряду скакунов в конском забеге. А может, герои книги захотели выделить кого-либо из серой вереницы читателей? Что если они иногда ставят на кого-то из нас и бьются об заклад? Что мы об этом знаем?» [9, с. 124–125]

В центре борьбы с неумолимой судьбой с помощью читателя оказывается Витача Милут. Однажды в стеклянной двери, как в зеркале, она видит свою комнату, но в ней происходят другие события. Несколько человек играют в карты, там горит свеча, погашенная в ее комнате, и Витача несколько ночей наблюдает за ними.

Мотив зеркала или стекла — один из любимых и часто повторяющихся во всем творчестве Павича. Олеся Гладкова, изучающая «Повесть Евстафия Плакиды» и ее интеграцию в интертекст Павича, замечает, что сербский писатель использует средневековую поэтику, в частности идею о том, что события этого мира символичны и скрывают за собой какую-то истину. Этот подход к осмыслению мира восходит к словам апостола Павла: «Теперь видим мы через отражение (зеркало) в загадке (иносказании), потом же — лицом к лицу» (1Кор. 13:12). Стремление пробиться через зеркало или стекло, прозрачную, но прочную преграду, в некий другой мир означает у Павича стремление к истине, к подлинному знанию и к свободе [10, с. 303].

Наблюдая сквозь стекло за играющими в карты, Витача замечает одного из них, который еще и читает книгу, и влюбляется в него. Она говорит: «Но теперь я узнаю. Знаю, кто ты. Ты тот, в чьих руках Книга моей судьбы, книга, которая называется “Пейзаж, нарисованный чаем”. И именно в ней есть такие строки:

“Так Витача Милут, героиня этого романа, влюбилась в читателя своей книги”» [9, с. 233].

Итак, Пушкин не только персонаж и автор, он еще и читатель. И как читатель он входит в отношения с героиней

книги, они стремятся навстречу друг другу, совершая невозможное, чтобы пройти сквозь страницу и воссоединиться. Для описания этих отношений Витача использует слово «вурдалаки». Читатель наполняет свою жизнь эмоциями, полученными из книги, питается страданиями и кровью персонажей. Но и персонаж делает то же самое, он обогащается, меняется, становится глубже и интересней, впитывая опыт многочисленных читателей, обращавших на него свое внимание и впускавших его в свою жизнь. По обе стороны страницы — вурдалаки, питающиеся кровью друг друга. Страница книги работает как стекло, сквозь которое обе стороны видят друг друга с искажением и неточно, но это не мешает им влиять на жизнь друг друга. Прорваться сквозь страницу в поэтике Павича — значит обрести свободу. Это происходит с героями. Витача и Пушкин прорываются к любви, они встречаются в реальности — в художественном мире романа «Пейзаж, нарисованный чаем».

В то же время любовь между читателем и персонажем — не единственная возможность. Если читатель вкладывает в персонажа свою душу, персонаж получает жизнь, но, если читатель отбросит книгу, персонаж для него навсегда умирает. Эта коллизия также входит в сюжет романа. Именно Александр Пушкин должен поставить точку в романе и в судьбе Витачи Милут. По поручению Дона Азередо он должен сопровождать Витачу во время гадания, когда в лунную ночь в чаше или в колодце Витача должна увидеть в воде свою судьбу. Вода в книгах Павича — это символ времени [11, с. 3724]. В последнем гадании Витачи соединяются вода и зеркало, вода становится той преградой, которая стоит между жизнью и истиной, т. е. время отделяет Витачу от свободы и смысла или от смерти. Судьба Витачи зависит от того, кого она увидит в воде во время гадания. Если мужское лицо, она будет убита, если женское — останется жить.

Вот какова разгадка кроссворда, в бумажной книге напечатанная вверх ногами: «Витача Разин, вытащив из колодца ведро воды, поймала полный месяц и нагнулась посмотреть, чье лицо покажется в воде. И тут она и ее спутник увидели тебя, читающего эти строки и полагающего, что ты, развалясь на скамейке или в кресле, находишься в полной безопасности и вообще вне игры; тебя, держащего эту книгу вверх тормашками и вцепившегося в свое стило, не в силах с ним расстаться, как хозяйка не расстанется с ложкой, а убийца — с ножом» [9, с. 270].

Судьбу героини решает читатель — и Пушкин, который стоит рядом с ней с ножом. Таким образом читатель прямо вовлекается в текст, от него зависит развязка сюжета, он втянут в книгу, где его функцию выполняет Пушкин. Пушкин снова оказывается и внутри, и снаружи романа, на этот раз как читатель.

Заключение (Conclusion)

Итак, в романе Павича взаимоотношения автора, персонажа и читателя становятся предметом изображения. Весь комплекс этих отношений воплощается в образе Александра Пушкина. Он выступает как автор, который рисует и описывает в стихах главную героиню. Также Пушкин является персонажем романа — возлюбленным Витачи, который уводит ее у мужа. Последняя ипостась Пушкина — это читатель книги «Пейзаж, нарисованный чаем», в которого влюбляется его главная героиня Витача Милут. Кроме того, Пушкин еще и отождествляется с читателем, который держит в руках роман Павича в нашей реальности, а не в художественном мире текста. Внимание читателя убивает или оживляет персонажа, и в сюжете романа это тоже делает Пушкин. Таким образом, Александр Пушкин находится одновременно во всех трех вершинах герменевтического треугольника. Так Милорад Павич не только теоретически ставит вопрос, как читаются тексты, но и отвечает на него в художественном мире своего романа.

1. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. С. 384–392.

2. Кулакова О. К. Интертекстуальность в аспекте жанрообразования (на материале жанра фэнтези) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 22 с.

3. Усманова А. Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. Минск : Пропилеи, 2000. 200 с.

4. Феррони В. В. Философская проблема понимания: от классики — к современности. Часть 1. Классика // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Философия. 2013. № 2 (10). С. 50–71.

5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.

6. Вагнер Е. Н. Национальные культурные мифы в литературе русского постмодернизма : автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 20 с.

7. Попович Т. А. С. Пушкин — сокровенный герой прозы М. Павича // Болдинские чтения 2014. Большое Болдино : Нац. исслед. Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2014. С. 62–71.

8. Калавски Ж., Уракова А. П. На границах текста и культа // На перекрестках Востока и Запада: проблемы пограничья в Русской и Центральноевропейских культурах : сб. ст. / редкол.: Н. В. Злыднева (отв. ред.), Ж. Хетени (отв. ред.) [и др.]. М. : Ин-т славяноведения Рос. акад. наук, 2021. С. 175–199. DOI: 10.31168/4465-3095-3.08

9. Павич М. Пейзаж, нарисованный чаем : роман / пер. с серб. Н. Вагаповой, Р. Грецкой. СПб. : Азбука, 2000. 274 с.

10. Гладкова О. В. «Житие Евстафия Плакиды»: от Нестора до Милорада Павича // Герменевтика древнерусской литературы. 2004. № 11. С. 281–320.

11. Зоткина А. С., Маслова А. Ю. Репрезентация категории времени в романах М. Павича // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 12. С. 3722–3728. DOI: 10.30853/phil20210663